

Ирина Кочеткова

Неправильный оборотень

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К75

Кочеткова И.

К75 **Неправильный оборотень / Ирина Кочеткова. – М.: Литнет, 2026. – 398 с.**

ISBN 978-5-521-93615-1

Перед первым превращением оборотень, как правило, представляет себя в роли престижного зверя: волка, медведя, рыси. Но у оборотня Ар-Лагора ипостась оказалась не как у всех, неправильная. А ещё он – особенный потомок Великого Оборотня, во всяком случае, окружающие в этом уверены. И вот это все вместе, ипостась и особенность, изрядно осложняют его жизнь. Но основные проблемы, порой даже смертельные, возникают в новом окружении...

Часть 1 в цикле «Магия Осияна»

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93615-1

© Литнет, 2026
© Кочеткова И., 2026

Пролог

Яфир – самый молодой из вещунов, обитающих при Скале Сияния.

Самый молодой, а вот, поди ж ты, не спалось ему. Ночь уже за половину перевалила, а он, как старик с бока на бок ворочается, придрёмывая на несколько минут.

Нет, так дело не пойдёт! Это не бессонница, это беспокойство зудит, спать не даёт. Ещё с полдня исподволь, потихоньку волнение стало копиться. И вроде, никакой причины нет, а... ожидалось чего-то.

Точно... Яфира так и подбросило. Мужчина стал торопливо одеваться, ругаясь сквозь зубы:

– Дурак! Болван! А ещё вещун называется. Ясно ж, с чего дёргаюсь... на старость грешу... а там, может, сейчас какое предсказание великое засияло

Предсказанием великим оправдывался и Верховный вещун Аинтас, настолько древний старик, что дунь на него, и кости посыпятся. Не раз, и не два приходилось от него слышать:

– Вот, как приму от Скалы великое пророчество, так и освобожу вам место Верховного, – и хихикал, не по-старчески остро оглядывая пятерых поднадзорных ему вещунов.

Яфир-то и не мечтал о звании Верховного. Его лишь недавно взяли в обитель при Скале, аж, с окраины княжества. И так был рад до помрачения ума, что из всех кандидатов его выбрали. Ясно, что мыслей стать Верховным у Яфира пока даже не возникало.

Зато остальные четверо только зубами скрипели в ответ на усмешки Аинтаса. Каждый из них считал Верховного выжившим из ума стариком, и про себя желал ему поскорее очокуриться, освободив вожаденное место. И в мыслях каждый из четверых не единожды примерился к посоху Верховного вещуна.

Только вот в эту ночь спали все четверо. А возле Скалы сегодня дежурил сам почтенный Аинтас – Верховный вещун княжества

Осиян. Да Яфир чего-то не заспался, примчался по темени от домов вещунов, построенных на отлёте. Он и бежал, сломя голову, потому как увидел сияющий свет предсказания, что струился над Скалой. И даже успел прочитать последнюю часть пророчества.

Видать, надпись своё время уже отсыяла, строки стремительно таяли, но Яфир успел ухватить последние: «...потомки его сумеют приручить зверя, и перестанут люди опасаться оборотней, а семьдесят пятый потомок Рруса Трёхлапного будет особенным».

Точно, какое-то грандиозное пророчество, раз Великого Оборотня упомянули. Но ничего, Верховный вещун, наверняка, запомнил. Старый-то он старый, а своё дело крепко знает, и память у него ещё цепкая. Яфир оглянулся на скамью под навесом, на которой коротал своё время дежурный вещун.

Всё правильно, как и положено, почтенный Аинтас восседал на скамье с посохом Верховного на коленях и, откинувшись на спинку, не сводил глаз с поверхности Скалы – остаточный фон ещё несколько часов будет проблёскивать после предсказания.

Яфир, осматривая Скалу на всякий случай, шевелил губами, повторяя про себя слова пророчества – те, что успел углядеть. И, вздрогнув от шума падения, снова оглянулся на Аинтаса.

Упал и покатился посох Верховного. А сам старик, как сидел, так и остался сидеть, вытаращив стеклянные глаза на Сияющую Скалу предсказаний. Ни движения, ни вдоха...

Верховный вещун княжества Осиян, почтенный Аинтас, был лучшим предсказателем!

Как и говорил, он, приняв великое пророчество, сразу же освободил место Верховного... и унёс почти весь текст предсказания с собой в могилу...

С тех пор по распоряжению Верховного вещуна Яфира возле Скалы Сияния днём и ночью дежурили вещуны не менее, чем по двое, а то и по трое.

Часть 1. Неправильный оборотень

Семья

– Бабуль, а мой новый дружок Мирак уже перекидывался прошлой лунной.

– Это тот чтоль, который нового пришлого сынок? Маненький такой, утром к тебе забегал? Дак они ж дикие. Ежели ему, как тебе, годков шесть, то самый раз перекидываться.

– Ага, он. Они тогда ещё только собирались к нам. Баб, я тоже хочу шас перекинуться. Скажи папке, он тя послушает.

– Да ты что, сдурел? Спроси того Рика, Мирака папку, зачем дикий к нам пришёл? Да за тем, чтоб придержать сыночка – штоб тот смог договориться со зверем, а это только шаман поможет... Вот скажи, рассказал тебе твой Мирак, как это оно – перекидываться?

– Ага, говорит, почти не помнит, лапы у себя мохнатые увидал да так жрать захотел – папка ему зайку и кинул. Он ему зайку загодя поймал, лапку закусил, чтоб тот шибко не бегал. А как Мирак перекинулся, так и кинул ему.

– Да, зайка вкусны-ый! – протянула бабка задумчиво. И смачно облизнулась.

– Мирак тоже говорит – вкусный. Баб, да как же это? Он же сырой! Как его неварёного-то есть? Невкусно ж!

– Это когда в человечьем обличье тебе невкусно. Ты ж – человек! А вот когда зверем становишься, да спервоначалу перекидываешься, знашь, как вкусно? Первый раз оно самое вкусное, – бабка снова причмокнула. – А у зверя вовсе мозги отшибает.

– Как это – мозги отшибает?

– А так. В однораз, как зверем становишься – видеть по-другому начинаешь, глаза по-другому смотрят, уши каженный шорох

слышат, в нос шибает всякой вонью. Вместо рук-ног лапы врассто-пырку стоят, а из задницы хвост торчит. Вроде б, и знаешь, что так должно быть! Но это человек внутрих знает! А ты уже зверем стал, который ни мамки, ни папки не видал никогда, никого знать не знает, ниче не понимает – он же только сичас родился, и сила у него уже есть, а мозгов ещё не завелось. А жрать-то как в энто время хочется! Вот в тот самый момент, если без пригляду, беда и случается. Зверь могёт и маму-папу загрызть, если те человека-ми рядом будут. Он же не соображат ничо, у него энти... кстинты. Вот Рик-то, это знаючи, зайку-т и приготовил – правильно сделал.

– Баб, а чё такое кстинты?

– А эт, кода мозгов не хватает у всякой мелочи пузастой. Бабке совсем отдохнуть не даёт! Прилегла только на минуточку, а энтот, как репей в хвосте – чё да как. Вон, братьёв прорва, у них спраши-вай! Которы уж и поперекидывались, и девок по кустам пошара-хали, особливо одну рыжую вертихвостку, у-у, блох ей в шкуру – лиса облезлая, а туда ж... Брысь отседова! – ш-ш-шух, хлопнула дверь, да кровать заскрипела под утихающее бабкино ворчание.

Этот забавный разговор бабки Мьяры с самым младшим в нашей семье – шестилетним Арыской – был хорошо слышен из-за приот-крытой створки окна.

На последних бабкиных словах я с усмешкой покосился на старше-го брата Уруса – большого знатока по рыжим шкурам. А тот сидел рядом на лавке, привалившись к избяной стене, щурил хищные глаза да улыбался шкодливо.

В тенёк, под куст сирени возле бабкиного окна мы от бабки же и сбежали. Ведь не посмотрит, что законный выходной, чего-ни-будь да велит делать – дрова колоть или сарай чистить. А то, как девок, заставит полы в избе мыть... Может, бабка нас под своим окном-то не углядит? Где в другом месте искать будет... она же, вон, вернулась в комнату, а тут и Арыска появился со своими детскими любопытными вопросами.

Ну и ладно, что выходной у брата – ему одному отдыхать скучно. В компании-то веселее!

Брат встал, гибко потянулся. Среди своих ровесников Урус – вожак! Я с завистью оглядел поджарое тело – стать волка и просторная рубаша не испортит. Урус хоть и кажется худым и даже костлявым, но это только видимость. Под рубашой сухое тело мышцами, будто канатами перевито. Шаг бесшумный и быстрый, движения плавные, да зубы скалит вроде нечаянно, не злобно, а выходит со значением – совсем, как у старших оборотней. Одно слово, волк!

Мне же только четырнадцать исполнилось, а ростом почти со старшим сравнялся. Сила тоже есть, хотя бы и не такая, как у брата. И в плечах лишь чуток не догнал. Глаза вот подкачали – какие-то непонятные, коричневого цвета и вытянутые к вискам. Ресницы, что у девки, почти до бровей загибаются. Бабка говорит, оленьи глаза – тьфу, срамота!

А девки даже заглядываются, хотя мне стеснительно. Вот не могу я, не краснея, в иное девичье лицо прямо поглядеть. Ага, какая девчонка глазами поиграет. И ладно, если просто косу потеряет, а то в прошлый раз Варинка и шнурок на ворота распустила – это весной-то, когда возвратные холода случились, а от стылого ветра все вокруг в тёплые кофты укутались. Варинка же «взопрела» ненароком рядом со мной!

Я-то сам взопрел и раскраснелся, стыдясь того, что в вырезе рубашки увидел. Думал, нечаянно она... Ну и сбежал. А Суворка – друг мой – хохоча, потом рассказывал, что после моего ухода Варинка сразу же зазябла и шаль накинула, не давая себя рассмотреть любопытным.

Ну её!

А ещё заметил я, что парни до перекидывания в зверя – всё равно, что дети. По виду вроде большие, но какие-то... невзрослые. Да уже после первого перекида пацан другим становился – и взгляд, и движения менялись – будто, какую тайну узнал.

А я ещё и не перекидывался ни разу! Вот через неделю полнолуние наметится, праздник будет. Наступит и моё время!

По вечерам вся наша семья, как правило, собирается за столом в большой горнице.

Во главе стола восседает бабка Мьяра, вернее, прабабка наша – самая старая в нашей деревне, самая уважаемая, старейшина нашего рода Щир.

Вот так вот! У кого-то Серые Волки, Рыжие Рыси, а у нас Щир. И понимай, как хочешь, что за зверь такой! В нашей семье все оборотни в волков перекидываются, но именуется род почему-то вот так странно – Щир.

За столом после Мьяры рассаживаемся по сложившемуся порядку.

Когда приходит Ррык – бабкин сын и отцов дядя – то садится по правую бабкину лапу... Тьфу! Руку. Он – вожак не только в наших Волчиках, но и... Короче, вожак!

Отец – бабуле приходится внуком – располагается слева от неё. Рядом с отцом присаживается мама, когда подаст всю еду на стол. У неё в помощницах Урсунa, наша десятилетняя сестрёнка. Урус, как самый старший из детей, рядом с вожаком. Дальше по старшинству сажусь я. А в конце стола место младшего Арыски – того самого, что донимал бабушку расспросами.

Говорят, у высокородных не принято за едой разговаривать. Вот скукота-то...

Не знаю, как у других, а у нас, когда за столом собирается семья, разговоры почти не смолкают. В деревне, в стае, в школе, да и дома всегда что-то случается и уж точно найдётся, что обсудить. А уж когда дядька заходит – вроде больше молчит, несколько слов скажет, а так направит разговор, что всё выяснит – кто чего сказал да сделал. А то, смотря по настроению, может и сам что интересное рассказать.

Сегодня разговор Ррык и начал:

– Что-то смотрю, Арит, в последние дни к тебе народ зачастил.
– Да уж. Сегодня Димран, Крык и Румис, вчера Гремил, Заран и даже кузнец. Третьего дня...

– А кузнецу чего надо? Он же человек, никак не оборотень?

– Да того же, чего и другим, – отец глазами на меня повёл и усмехнулся. – Особенный. Каждому свою девку пристроить охота. Да по-особенному.

Бабка ахнула:

– Совсем срам потеряли! Да где эт видано, шток вместо девки ейный отец хвостом крутил перед кобелём?

О-ох, действительно, сраму не оберёшься – бабка, как скажет, так на всё село ославит!

Вон, Арыска от хохота даже с лавки скатился под стол, аж поскуливает. Мать в полотенце лицом уткнулась. Урсунка с блюдом лепёшек по стенке на пол сползла, заливаясь звонким колокольчиком. Урус в плечо толкает, из-за смеха выговорить ничего не может.

Отец с дядькой сидят с серьёзными застывшими лицами, глаза в никуда глядят – нельзя смехом неуважение к старейшине рода показать, да и к бабкиным высказываниям за столько лет попривыкли.

А бабка не унималась:

– Ишь, охальники! Когда эт было, шток кобель суку по отцову уговору покрывал? – повернулась к отцу. – Ты, Арит, гони-ка всех в шею! Наш Горушка ишшо молодой, ни одной течной суки не нюхнул. Вот будет гон, тады и пристроит, котора к сердцу припадёт, а не энтих... тьфу, срамота!

– Баб, ты погоди... Вишь, у людей-то принято загодя переговорить с желательной партией, чтоб, когда сватать придёшь, тебя не умыли, не отказали, стало быть. Мы ж теперь с людьми живём, вроде...

– Цыц, говорю! Вот у людёв пусть по-людски и будет. Мы – нелюди! Мы пару по-волчьи выбираем! На тебя, Аритка, в своё время Гурунка как пялилась, помнишь? Вожакова дочка, между

прочим. Ну и что, что от соседней стаи! А сговорили б с Соваром? И чево бы, пошёл бы с ней волчат строгать? Чевой-то, ты нос с Гурунки своротил, на двор к Тарусе убежал?

– А у Таруси течка раньше началась.

– Ах, ты ж паразит! – тут уж мама на отца полотенцем замахала. – У меня, значит, раньше! А то б к Гурунке пошёл?! И были б твои щенки с бурыми клоками, да с короткими лапами.

Отец присмирел, того гляди, хвост отстрит, да заметёт им виновато по полу:

– Тарусечка, милая, да вспомни, как я бегал за тобой. У тебя ж лапки... ни у кого таких стройных и красивых нет! И у деток наших твои лапки! А уж шёрстка с таким подпалом! Охотникам облизнуться только останется. Я от Гурунки знаешь, как прятался, от охотников так не убегал. Ох и злилась же она, ох и рычала...

– Во-во! И сговорили б, не пошёл к Гурунке, к Тарусе побежал бы, потому как, эти кси... кстинты не уговоришь – у их своя правда. Нам, оборотням, насильно мил не будешь, никаким уговором жить не заставишь. В таких делах ни отец, ни вожак – не указ!

– Да знает он, мать, – хмыкает отцов дядька. – Просто мужики любопытничают да шутят. Кузнец, может, и правда какие планы строит насчёт своей Христи. Вроде, прабабка его с оборотнем путалась. А остальные порядок знают. Никто твоего Горушку заставлять не станет.

– Н-ну, смотрите у меня, Горушку в обиду не дам!

Вообще-то, полное моё имя – Ар-Лагор, и обычно все зовут Лагор или Гор, а бабка сюсюкает, как со щенком – Горушка, Горушка. Стыдно!

А особенный... Просто я, вроде, и есть тот самый семьдесят пятый потомок Рруса Трёхлапого. Из совсем старого пророчества, что на Скале Сияния нашли. Вожак на все вопросы о пророчестве только плечами пожимает да хмурится.

А люди говорят, что все пророчества со Скалы обязательно сбываются!